

УДК 159.9.072.43

СИСТЕМА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ «ПОКОЛЕНИЯ Z»: СОЦИАЛЬНЫЕ, КУЛЬТУРНЫЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ

М.С. Яницкий^а, А.В. Серый^а, О.А. Браун^а, Ю.В. Пелех^б,
О.В. Маслова^с, М.В. Сокольская^д, Р.Д. Санжаева^е,
А.Р. Монсонова^е, С.Б. Дагбаева^ф, Ю.Ю. Неяскина^г,
Р.В. Кадыров^h, Т.В. Капустина^h

^а Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, Кемерово, ул. Красная, 6

^б Университет имени Яна Длугоша, 42-200, Польша, Ченстохова, ул. Вашингтона, 4/8

^с Российский университет дружбы народов, 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

^д Российский университет транспорта (МИИТ), 127994, Россия, Москва, ул. Образцова, 9, стр. 9

^е Бурятский государственный университет, 670000, Россия, Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

^ф Забайкальский государственный университет, 672039, Россия, Чита, ул. Александрово-Заводская, 30

^г Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга, 683032, Россия, Петропавловск-Камчатский, ул. Пограничная, 4

^h Тихоокеанский медицинский университет, 690002, Россия, Владивосток, проспект Острякова, 2

Исследование, проведенное по методике Ш. Шварца на выборке из 1 251 представителя «поколения Z», позволило установить особенности системы их ценностей – приоритет самостоятельности в суждениях и поступках, отсутствие приверженности существующим традициям. Выявлены и охарактеризованы факторы, определяющие качественное своеобразие иерархии ценностей «поколения Z»: гендерная, этническая, конфессиональная и региональная принадлежность. Обнаруженные закономерности определяют возможность прогнозирования трансформации ценностных представлений массового сознания и соответствующих им изменений социального поведения.

Ключевые слова: ценности; ценностные ориентации; ментальность; социокультурная среда; социализация; молодежь; теория поколений; поколение Z.

Постановка проблемы

Система ценностных ориентаций личности имеет динамический характер, подвергаясь изменениям на протяжении всей жизни человека. В то же время различия ценностных предпочтений, обнаруживаемые между возрастными группами, связаны, очевидно, не только с собственно возрастными, но и с межпоколенными особенностями. При этом, согласно известной «теории межгенерационной перемены ценностей» R. Inglehart, данные различия

обусловлены спецификой социально-экономического положения возрастных когорт в период становления их системы ценностных ориентаций [1].

В социологической традиции само выделение тех или иных поколений основывается на отличиях в системе ценностей, которые разделяет значительная часть родившихся определенным исторический период [2]. Сегодня является общепризнанным, что ценностные различия между поколениями формируются под влиянием социокультурной среды, нормы и ценности которой, в свою очередь, подвергаются существенным изменениям с течением времени [3, 4]. В.И. Пищик и Н.В. Сиврикова в данном контексте оперируют психологическим понятием «поколенческая ментальность», ядро которой, по их мнению, составляет «совмещенность доминирующих, нормативно закреплённых систем значений, смыслов и ценностей образа мира поколения и социально-психологических характеристик, проявляющихся в его образе жизни» [5. С. 73].

По мнению N. Howe и W. Strauss, так называемый «конфликт поколений» определяется тем, что каждое новое поколение имеет иную шкалу ценностей и, соответственно, обнаруживает реализуемые в поведении особенности отношения к семейной жизни, карьере, мобильности и т.п. В основе разработанной ими теории поколений лежит представление о том, что основные фазы жизненного цикла человека (детство, молодость, средний возраст, старость) могут в зависимости от года рождения совпадать с той или иной фазой цикла общественно-исторического развития (подъем, пробуждение, спад или кризис). Социально-экономические, политические и культурные факторы, характерные для той «социальной эры», на которую пришелся период детства, определяют модель воспитания, формирующую систему ценностных ориентаций нового поколения. При этом под поколением понимается совокупность всех родившихся во временной промежутке, соответствующий конкретной фазе исторического цикла и охватывающий период продолжительностью приблизительно в 20 лет.

Согласно Howe и Strauss, текущий исторический цикл «миллениума» начался в 1943 г. и включает в себя четыре фазы, которым соответствуют поколения, названные ими «беби-бумеры», «X», «Y» и «Z» [6]. Описываемая теория получила широкое признание как западных, так и отечественных ученых и практиков, что, по словам А.В. Голубинской, свидетельствует о ее значительном исследовательском потенциале. В то же время, как отмечает автор, ряд положений данной теории вызывает обоснованные сомнения. Так, по ее словам, Howe и Strauss, описывая ценностные различия выделяемых поколений, не основываются на каких-либо статистических или иных объективных данных, и даваемая ими характеристика аксиологической системы поколений никак не аргументируется [7. С. 101].

Ю.А. Левада в своей концепции вводит понятие «значимое поколение», которое характеризуется внесением в общество значимых изменений в ценностных ориентациях [8]. Закономерно, что в этой связи особый интерес традиционно вызывает система ценностных ориентаций молодежи, которая не только воспринимает ценности старших поколений в процессе

социализации, но и посредством ювентизации формирует систему ценностей общества будущего. Тем самым молодежь рассматривается как субъект исторического развития, источник продуцирования нового опыта, важнейший ресурс общества, выполняющий инновационную функцию.

Самое молодое сегодняшнее поколение принято называть «поколение Z». К нему, как правило, относят молодых людей, родившихся начиная с 1995 г. Следует отметить, что эта граница является достаточно условной, и в разных странах вследствие их социально-экономической и культурной специфики исследователи устанавливают нижнюю границу данного поколения в весьма широком диапазоне – от 1993 до 2005 г. [5, 7, 9]. Мы полагаем, однако, что именно к этому поколению наименее применимы специфические национальные рамки, что связано с процессами глобализации, развитием общемировой информационной сети и т.д. Поэтому, учитывая кросскультурный характер настоящего исследования, мы будем относить к «поколению Z» молодых людей, родившихся в 1995 г. и позже. В данном контексте студенческая молодежь, обучающаяся сегодня как в бакалавриате, так и в магистратуре (в возрасте от 18 до 23 лет), впервые в истории может быть практически полностью отнесена к «поколению Z».

Отличия «Z» от своих предшественников связаны в первую очередь с тем, что это первое поколение, целиком сформировавшееся в информационную эпоху и не заставшее мир без сетевых технологий, поэтому его называют также «Digital Natives» или «Net Generation» [10]. Это новое «сетевое», или «интернет-поколение», «цифровые люди», для которых информационные ресурсы сети Интернет являются одним из наиболее важных источников социокультурного развития, оказывая определяющее влияние на все сферы их жизни, в том числе на образование. Поскольку «Z» хорошо владеют информационными технологиями, они, как отмечает А.Б. Кулакова, «быстро обучаются и так же быстро обрабатывают информацию, мгновенно могут переключаться с одного вида деятельности на другой, а также действовать в условиях многозадачности. Владение информацией и возможность ее поиска способствуют формированию у молодежи уверенности в себе, в своих силах, формируют точку зрения» [11].

В то же время характер получаемой «Z» информации и особенности работы с ней определяют отмечаемую многими авторами клиповость мышления и фрагментированность сознания [10, 11]. Еще одной важной особенностью их социализации является то, что значительная часть межличностных коммуникаций «Z» носит виртуальный характер; в частности, их общение со сверстниками зачастую протекает в социальных сетях. В этой связи Howe и Strauss характеризуют данное поколение как «homelanders» – дети, сидящие дома за компьютером. С другой стороны, как показывает проведенное нами ранее исследование, это же поколение отличается высокой мобильностью, непривязанностью к своему постоянному месту жительства и социальному окружению. Представители поколения «Z» часто становятся так называемыми «номадами постмодерна», носителями распространяющихся в обществе «мобилистических tradi-

ций», выбирая цифровое кочевничество, фриланс и другие современные формы мобильного образа жизни [12, 13].

Особенности социализации и образа жизни «поколения Z» закономерно сопряжены с их ценностными предпочтениями. Как пишут А.А. Воскресенский, В.А. Рабош и А.Г. Сунягина, «они живут в Интернете и социальных сетях практически с рождения, что накладывает колоссальный отпечаток на всю систему ценностей этого поколения, формируя новое ценностно-мировоззренческое ядро молодежи» [14. С. 84–85]. По мнению авторов, становление системы ценностных ориентаций «поколения Z» в социокультурных условиях постмодернистского общества и глобализации определяет ее «постматериальную» направленность. Это подтверждается также результатами исследования С.Ю. Моховой, согласно которым «поколение Z» отличается приоритетом ценностей «духовного удовлетворения», занимающих первое место в их ценностной иерархии, в то время как для «Y» наиболее значимыми являются «собственный престиж» и «активные социальные контакты», а для «X» – «высокое материальное положение» [15].

В этой связи многие исследователи указывают на принципиальные отличия системы ценностных ориентаций «Z» от ценностей своих предшественников. Так, Ю. Воронцова и В.В. Ермолаев констатируют у данного поколения выраженный «мировоззренческий разрыв с родителями» [10]. По словам А.Б. Кулаковой, это «молодое поколение отрицает устойчивые моральные принципы, устои, ценности предшествующих поколений, имеет вольную позицию на средства и методы для достижения своих целей» [11]. А.Н. Данилов, Ж.М. Грищенко и Т.В. Щелкова также отмечают существование «противоречия между признанной преемственностью (по крайней мере, на вербальном уровне) традиционной модели базовых ценностей и вероятностью наполнения ее глубоко внутренними личностными смыслами, лежащими далеко за порогом гомогенности с межпоколенческими традициями», на основании чего приходят к аналогичному выводу об отчуждении значительной части «поколения Z» от традиционной нормативной ценностной модели [16]. Вместе с тем большинством названных авторов признается неоднородность «поколения Z» в ценностном отношении, связанная с информационной полифонией и перегруженностью, приводящей к «размыванию» системы их ценностных ориентаций и даже ценностному «расколу» среди современной молодежи.

Очевидно, что система ценностных ориентаций нового поколения не может быть однородной, поскольку она не только формируется под влиянием общих, глобальных факторов, соответствующих нынешнему этапу развития цивилизации, но и зависит от специфики локальной социокультурной среды. Как показано в наших предыдущих исследованиях, наиболее значимой детерминантой становления системы ценностных ориентаций молодежи поколений «X» и «Y» является принадлежность к конкретной гендерной, возрастной, этнической, конфессиональной, региональной и профессиональной общности, определяющая средовые особенности их социализации [17]. В то же время влияние перечисленных факторов на

ценностную иерархию «поколения Z» до настоящего времени остается практически не изученным. В этой связи целью нашего исследования стала оценка влияния социально-демографических и этнокультурных детерминант на формирование системы ценностных ориентаций представителей «поколения Z».

Методы и организация исследования

В исследовании принял участие 1 251 респондент в возрасте от 16 до 25 лет, в том числе 839 девушек и 412 юношей. Для проведения сравнительного анализа общая выборка была разбита на возрастные когорты в соответствии с периодизацией И.Ю. Кулагиной: ранняя юность (16–17 лет) – 126 человек; собственно юность (18–19 лет) – 616; поздняя юность (20–23 года) – 474; зрелость (24 и старше) – 34. По этнической принадлежности исследуемая группа включала 892 русских, 139 бурят, 125 украинцев, 95 представителей других национальностей (в основном малых коренных народов и мигрантов из ближнего зарубежья). По конфессиональной принадлежности в исследуемой группе наиболее широко представлены православные – 510 человек, последователи иных религий (преимущественно другие христианские конфессии, мусульмане и буддисты) – 261; лица, считающие себя верующими, но не относящие себя к какой-либо определенной конфессии, – 244; атеисты – 233. В зависимости от города проживания респонденты отнесены к одному из следующих регионов: Сибирь (Кемерово, Чита, Улан-Удэ)¹ – 515 человек; Дальний Восток (Хабаровск, Владивосток, Петропавловск-Камчатский) – 462; Центральная Россия (преимущественно Москва и Московская область) – 157; Украина (Ровно, Хмельницкий, Тернополь и др.) – 117. По профилю обучения исследуемые разделились на социально-гуманитарную (659 студентов), а также естественнонаучную и техническую учебно-профессиональные группы (573 студента). Принадлежность респондентов к той или иной социальной и культурной среде оценивалась методом анкетного опроса, включавшего закрытые вопросы о поле, возрасте, национальности, вероисповедании, месте проживания и профиле обучения.

Особенности индивидуальной ценностной иерархии изучались с использованием методики Ш. Шварца, направленной на диагностику значимости отдельных ценностей как на уровне нормативных идеалов, так и на уровне жизненных принципов, которые, в свою очередь, могут быть как предпочитаемыми, так и отвергаемыми, «движущими» либо «тормозящими» реальное поведение [18–20]. Достоверность различий значимости отдельных ценностей в описываемых группах определялась с использованием t-критерия Стьюдента и однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA).

¹ На момент проведения исследования и обработки его результатов Республика Бурятия и Забайкальский край входили в состав Сибирского федерального округа.

Результаты

Анализ системы ценностей всей описываемой выборки на уровне нормативных идеалов показывает, что для молодежи «поколения Z» наиболее приоритетными оказываются такие жизненные принципы и общие представления о должном, как самостоятельность (средний балл 4,88), достижения (4,71) и безопасность (4,68). Менее важными представляются такие ценности, как гедонизм (4,67), доброта (4,61) и конформность (4,26). Наименее значимы универсализм (4,03), стимуляция (3,83), власть (3,66) и традиции (3,27). На уровне индивидуальных приоритетов, соответствующих реальному социальному поведению, иерархия ценностей «поколения Z» закономерно несколько отличается: ведущие позиции занимают самостоятельность (2,59), гедонизм (2,49) и доброта (2,32); относительно индифферентными являются достижения (2,27), стимуляция (2,21) и универсализм (2,08); наименьшую значимость имеют безопасность (2,07), конформность (1,75), власть (1,51) и традиции (1,22).

В ценностной иерархии юношей как на уровне нормативных идеалов, так и на уровне индивидуальных приоритетов первые места занимают самостоятельность, достижения и гедонизм. Для девушек на уровне нормативных идеалов наиболее значимой также является самостоятельность, на втором и третьем местах стоят более традиционные ценности – доброта и безопасность, а достижения и гедонизм занимают 4-й и 5-й ранг соответственно. На уровне индивидуальных приоритетов для девушек предпочитаемыми являются самостоятельность, гедонизм и доброта. Одновременно анализ достоверности различий между уровнем значимости отдельных ценностей показывает, что для юношей достоверно более свойственны общие представления о значимости власти, гедонизма и достижений, в то время как для девушек – универсализма, конформности и доброты. При этом относительно более важными конкретными регуляторами собственного поведения у юношей являются ориентация на власть, безопасность, достижения и самостоятельность; у девушек – на ценности универсализма и доброты (табл. 1). В целом полученные результаты подтверждают большую ориентацию девушек на традиционные коллективистские ценности, тогда как ценностная система юношей носит заметно более выраженный индивидуалистский характер.

Для всех возрастных групп, входящих в выделенные нами возрастные границы «поколения Z», наиболее предпочитаемыми ценностями на обоих рассматриваемых уровнях являются самостоятельность, безопасность, достижения, гедонизм и доброта. В то же время, как следует из анализа полученных данных, практически все социально-нормативные идеалы и принципы по мере взросления последовательно обесцениваются (исключение составляют ценности власти и безопасности) и тем самым постепенно утрачивают характер универсального императива. Некоторое «восстановление» значимости большинства принятых представлений о должном происходит лишь в возрасте старше 24 лет. Для этой возрастной группы

также характерна несколько большая значимость в иерархии «социальных» ценностей конформизма и универсализма.

Таблица 1

**Сравнительная характеристика системы ценностей
юношей и девушек (t-критерий Стьюдента)**

Ценности	Гендерная группа (средние баллы)		t-value	p
	Женщины (n = 839)	Мужчины (n = 412)		
Ценности на уровне нормативных идеалов				
Доброта	4,70	4,45	3,45	< 0,001
Достижения	4,64	4,84	-2,65	0,008
Гедонизм	4,60	4,81	-2,31	0,021
Конформность	4,35	4,07	3,53	< 0,001
Универсализм	4,10	3,90	2,52	0,012
Власть	3,44	4,10	-7,07	< 0,001
Ценности на уровне индивидуальных приоритетов				
Самостоятельность	2,53	2,69	-3,01	0,003
Доброта	2,41	2,12	5,22	< 0,001
Достижения	2,21	2,41	-3,41	< 0,001
Универсализм	2,14	1,95	3,48	< 0,001
Безопасность	2,02	2,18	-2,90	0,004
Власть	1,32	1,90	-8,06	< 0,001

Примечание. В таблице приведены только статистически значимые различия.

В то же время снижение значимости аналогичных ценностей в качестве регуляторов собственного поведения отмечается значительно реже – сравнительно менее значимыми становятся только ценности традиций, универсализма и доброты, которые также вновь актуализируются после 24 лет (табл. 2). Как следует из результатов сравнительного анализа, наибольшим своеобразием отличается система ценностных ориентаций первой возрастной группы (16–17 лет). Возможно, это объясняется усиливающимся влиянием факторов, определяющих специфику «поколения Z», о которых говорилось выше.

Таблица 2

**Сравнительная характеристика системы ценностей
представителей разных возрастных групп (однофакторная ANOVA)**

Ценности (общая p; значение критерия F)	Достоверность различий в группах	Возраст, лет (средние баллы)			
		1	2	3	4
		16–17 (n = 126)	18–19 (n = 616)	20–23 (n = 474)	≥ 24 (n = 34)
Ценности на уровне нормативных идеалов					
Самостоятельность (F = 8,06; p < 0,001)	1–2 (p = 0,005) 1–3 (p < 0,001)	5,33	4,87	4,79	4,84
Доброта (F = 9,45; p < 0,001)	1–2 (p = 0,002) 1–3 (p < 0,001)	5,13	4,60	4,51	4,40
Достижения (F = 3,88; p = 0,009)	1–4 (p = 0,035)	4,91	4,72	4,69	4,11

Окончание табл. 2

Ценности (общая p ; значение критерия F)	Достоверность различий в группах	Возраст, лет (средние баллы)			
		1	2	3	4
		16–17 ($n = 126$)	18–19 ($n = 616$)	20–23 ($n = 474$)	≥ 24 ($n = 34$)
Гедонизм ($F = 5,29$; $p = 0,001$)	1–4 ($p = 0,010$) 2–4 ($p = 0,033$) 3–4 ($p = 0,039$)	4,84	4,69	4,67	3,68
Конформность ($F = 5,64$; $p < 0,001$)	1–2 ($p = 0,021$) 1–3 ($p = 0,008$)	4,69	4,22	4,17	4,38
Универсализм ($F = 9,98$; $p < 0,001$)	1–2 ($p = 0,012$) 1–3 ($p < 0,001$)	4,53	4,05	3,86	4,24
Стимуляция ($F = 4,59$; $p = 0,003$)	1–2 ($p = 0,034$) 1–3 ($p = 0,024$)	4,30	3,79	3,76	3,78
Традиции ($F = 8,93$; $p < 0,001$)	1–2 ($p < 0,001$) 1–3 ($p < 0,001$)	3,90	3,20	3,20	3,44
Ценности на уровне индивидуальных приоритетов					
Доброта ($F = 6,17$; $p < 0,001$)	1–3 ($p = 0,010$) 2–3 ($p = 0,034$)	2,57	2,37	2,20	2,22
Универсализм ($F = 5,16$; $p = 0,002$)	1–3 ($p = 0,025$) 2–3 ($p = 0,040$)	2,29	2,12	1,96	2,09
Традиции ($F = 6,46$; $p < 0,001$)	1–2 ($p = 0,018$) 1–3 ($p = 0,022$)	1,55	1,16	1,17	1,60

Примечание. Здесь и далее в таблицах приведены только статистически значимые различия; достоверность различий между отдельными группами посчитана по критерию Тьюки HSD для неравных выборок.

Этническая принадлежность представителей «поколения Z» оказывается более весомым дифференцирующим фактором в отношении системы ценностных предпочтений. Так, на уровне нормативных идеалов наиболее значимыми ценностями для русских являются самостоятельность, достижения и гедонизм, для представителей малых коренных народов и мигрантов – самостоятельность, достижения и безопасность, для бурят – самостоятельность, доброта и конформность, для украинцев – доброта, достижения и безопасность. В иерархии индивидуальных приоритетов наиболее высокий ранг значимости у русских имеют самостоятельность, гедонизм и достижения, у малых коренных народов и мигрантов – самостоятельность, гедонизм и стимуляция, у бурят – доброта, универсализм и безопасность, у украинцев – самостоятельность, гедонизм и доброта. Наибольшим ценностным своеобразием среди исследуемых отличаются представители бурятского и украинского этносов. При этом для бурят свойственна относительно большая приверженность принятым в обществе нормам и ценностям (за исключением ценностей достижений, стимуляции и власти), в то время как украинцы, напротив, меньше всех остальных подвержены влиянию принятых социальных норм и идеалов (табл. 3). В целом для украинских респондентов характерны наименьшие оценки практически по всем шкалам ценностей на уровне нормативных идеалов.

Подобная ситуация может являться индикатором перестройки системы ценностей общества, когда однозначность и императивность их трактовки

подвергаются определенному переосмыслению. Аналогичная тенденция отмечается и на уровне индивидуальных приоритетов в отношении ценностей традиций, конформности и универсализма.

Таблица 3

**Сравнительная характеристика системы ценностей
представителей разных этнических групп (однофакторная ANOVA)**

Ценности (общая p; значение критерия F)	Достовер- ность разли- чий в группах	Этническая группа (средние баллы)			
		1	2	3	4
		Русские (n = 892)	Буряты (n = 139)	Украинцы (n = 125)	Другие (n = 95)
Ценности на уровне нормативных идеалов					
Самостоятельность (F = 14,45; p < 0,001)	1–3 (p < 0,001) 2–3 (p < 0,001) 3–4 (p < 0,001)	4,92	4,96	4,30	5,17
Достижения (F = 4,94; p = 0,002)	3–4 (p = 0,005)	4,75	4,67	4,36	4,95
Безопасность (F = 4,75; p = 0,003)	2–3 (p = 0,045) 3–4 (p = 0,005)	4,70	4,74	4,34	4,92
Доброта (F = 5,33; p = 0,001)	2–3 (p = 0,002)	4,58	4,95	4,40	4,71
Конформность (F = 11,54; p < 0,001)	1–2 (p = 0,001) 2–3 (p < 0,001) 3–4 (p = 0,011)	4,19	4,75	3,96	4,54
Универсализм (F = 13,96; p < 0,001)	1–2 (p = 0,004) 1–3 (p = 0,042) 2–3 (p < 0,001) 3–4 (p < 0,001)	4,00	4,50	3,58	4,31
Стимуляция (F = 14,20; p < 0,001)	1–3 (p < 0,001) 2–3 (p < 0,001) 3–4 (p < 0,001)	3,89	3,85	3,05	4,22
Власть (F = 5,11; p = 0,002)	3–4 (p = 0,002)	3,67	3,66	3,25	4,07
Традиции (F = 19,93; p < 0,001)	1–2 (p < 0,001) 2–3 (p < 0,001)	3,13	4,08	3,14	3,64
Ценности на уровне индивидуальных приоритетов					
Самостоятельность (F = 5,74; p < 0,001)	1–2 (p = 0,036) 2–4 (p = 0,020)	2,63	2,36	2,47	2,71
Стимуляция (F = 7,11; p < 0,001)	1–2 (p = 0,014) 2–4 (p = 0,001)	2,25	1,89	2,13	2,44
Универсализм (F = 11,3; p < 0,001)	1–2 (p < 0,001) 2–3 (p < 0,001) 2–4 (p = 0,041)	2,04	2,48	1,89	2,12
Безопасность (F = 6,63; p < 0,001)	1–2 (p = 0,006)	2,02	2,37	2,08	2,19
Конформность (F = 8,91; p < 0,001)	1–2 (p = 0,008) 2–3 (p < 0,001) 3–4 (p = 0,024)	1,70	2,04	1,60	1,97
Власть (F = 7,74; p < 0,001)	1–3 (p = 0,020) 3–4 (p = 0,007)	1,58	1,27	1,14	1,70
Традиции (F = 42,78; p < 0,001)	1–2 (p < 0,001) 2–3 (p < 0,001) 2–4 (p < 0,001)	1,04	2,07	1,32	1,42

Представители различных конфессиональных групп в целом демонстрируют определенное сходство в доминирующих ценностях. Так, на уровне нормативных идеалов инвариантный характер имеет предпочтение самостоятельности и достижений. Некоторым исключением здесь являются респонденты, относящие себя к православным верующим – у них безопасность опережает самостоятельность и достижения, занимая первое место в групповой иерархии. На уровне индивидуальных приоритетов общим для большинства респондентов является доминирование таких ценностей, как самостоятельность, гедонизм и доброта. Однако если все считающие себя верующими ставят доброту как индивидуальную ценность на второе-третье место, то у атеистов она занимает лишь пятую позицию, уступая в значимости ценностям достижения и стимуляции. Одновременно в ряду «религиозные меньшинства – православные – внеконфессиональные верующие – атеисты» как на уровне нормативных идеалов, так и на уровне индивидуальных приоритетов последовательно снижается ранг ценностей конформности, традиций, доброты и универсализма (табл. 4). В свою очередь, для атеистов как на индивидуальном, так и на общегрупповом уровне отмечается сравнительно более высокая значимость таких индивидуалистических ценностей, как самостоятельность и власть. Примечательно, что наибольшее количество статистически значимых отличий зафиксировано между ценностными системами атеистов и представителей различных групп верующих. Этот факт еще раз свидетельствует о том, что ценностные ориентации представителей различных религиозных конфессий и верующих людей, не относящих себя к последователям определенной религии, обнаруживают достаточно много общих черт, в частности приоритетность ценностей традиции и универсализма.

Таблица 4

**Сравнительная характеристика системы ценностей представителей
разных конфессиональных групп (однофакторная ANOVA)**

Компоненты идентичности (общая p; значение критерия F)	Достоверность различий в группах	Конфессиональная группа (средние баллы)			
		1	2	3	4
		Православные (n = 510)	Другие (n = 261)	Внеконфессиональные верующие (n = 244)	Атеисты (n = 233)
Ценности на уровне нормативных идеалов					
Самостоятельность (F = 7,10; p < 0,001)	1–4 (p = 0,002) 3–4 (p = 0,005)	4,76	4,97	4,79	5,13
Доброта (F = 8,87; p < 0,001)	1–2 (p = 0,046) 2–3 (p < 0,001) 2–4 (p < 0,001)	4,63	4,90	4,45	4,41
Конформность (F = 12,49; p < 0,001)	1–4 (p < 0,001) 2–4 (p < 0,001) 3–4 (p = 0,007)	4,35	4,49	4,21	3,83

Окончание табл. 4

Компоненты идентичности (общая p ; значение критерия F)	Достоверность различий в группах	Конфессиональная группа (средние баллы)			
		1	2	3	4
		Православные ($n = 510$)	Другие ($n = 261$)	Внеконфессиональные верующие ($n = 244$)	Атеисты ($n = 233$)
Универсализм ($F = 10,31$; $p < 0,001$)	1–2 ($p = 0,001$) 2–3 ($p = 0,002$) 2–4 ($p < 0,001$)	3,98	4,39	3,98	3,79
Власть ($F = 3,19$; $p = 0,023$)	3–4 ($p = 0,012$)	3,66	3,67	3,43	3,87
Традиции ($F=32,96$; $p<0,001$)	1–2 ($p = 0,030$) 1–4 ($p < 0,001$) 2–3 ($p = 0,003$) 2–4 ($p < 0,001$) 3–4 ($p < 0,001$)	3,39	3,73	3,28	2,50
Ценности на уровне индивидуальных приоритетов					
Самостоятельность ($F = 5,03$; $p = 0,002$)	1–4 ($p = 0,020$) 2–4 ($p = 0,030$) 3–4 ($p = 0,003$)	2,55	2,56	2,51	2,78
Доброта ($F = 9,11$; $p < 0,001$)	1–4 ($p = 0,002$) 2–4 ($p < 0,001$) 3–4 ($p = 0,022$)	2,37	2,47	2,31	2,06
Безопасность ($F = 3,89$; $p = 0,009$)	2–3 ($p = 0,026$)	2,11	2,19	1,96	1,98
Универсализм ($F = 9,80$; $p < 0,001$)	1–2 ($p = 0,010$) 2–3 ($p = 0,027$) 2–4 ($p < 0,001$)	2,06	2,31	2,08	1,87
Конформность ($F = 5,39$; $p = 0,001$)	1–4 ($p = 0,030$) 2–4 ($p = 0,001$)	1,78	1,86	1,76	1,55
Власть ($F = 6,96$; $p < 0,001$)	1–4 ($p = 0,016$) 2–4 ($p < 0,001$) 3–4 ($p = 0,002$)	1,49	1,36	1,42	1,82
Традиции ($F = 52,97$; $p < 0,001$)	1–2 ($p < 0,001$) 1–3 ($p = 0,017$) 1–4 ($p < 0,001$) 2–3 ($p < 0,001$) 2–4 ($p < 0,001$) 3–4 ($p < 0,001$)	1,30	1,74	1,03	0,64

Ведущие ценности молодежи различных регионов России также достаточно сходны – у жителей Центральной России и Дальнего Востока на обоих рассматриваемых уровнях верхние позиции занимают самостоятельность, достижения и гедонизм, у жителей Сибири – самостоятельность и доброта. Молодые жители Украины имеют иные ценностные предпочтения – на уровне нормативных идеалов для них наиболее значимы доброта, достижения и безопасность, на уровне индивидуальных приоритетов –

самостоятельность, гедонизм и доброта. Одновременно с этим живущие в Украине представители «поколения Z» характеризуются наименьшей значимостью практически всех общественных и индивидуальных ценностей (за исключением уважения к традициям, доброты, безопасности и универсализма, которые еще менее свойственны молодежи российского Дальнего Востока). Молодежь Сибири в отношении большинства ценностей демонстрирует полярную позицию – они больше всех остальных ориентированы на конформность, традиции, доброту, универсализм и самостоятельность. «Поколение Z» Дальнего Востока и Центральной России занимает здесь промежуточное положение, для них чаще, чем для остальных, приоритетны достижения и гедонизм (табл. 5).

Таблица 5

**Сравнительная характеристика системы ценностей
жителей разных регионов (однофакторная ANOVA)**

Ценности (общая p; значение критерия F)	Достоверность различий в группах	Регион проживания (средние баллы)			
		1	2	3	4
		Дальний Восток (n = 462)	Сибирь (n = 515)	Централь- ная Россия (n = 157)	Украина (n = 117)
Ценности на уровне нормативных идеалов					
Самостоятельность (F = 13,33; p < 0,001)	1–4 (p < 0,001) 2–4 (p < 0,001) 3–4 (p = 0,001)	4,90	5,02	4,85	4,31
Гедонизм (F = 7,40; p < 0,001)	1–2 (p = 0,021) 1–4 (p = 0,009) 3–4 (p = 0,005)	4,85	4,56	4,88	4,21
Достижения (F = 5,45; p = 0,001)	3–4 (p = 0,001)	4,74	4,67	4,99	4,40
Безопасность (F = 4,16; p = 0,006)	2–4 (p = 0,039) 3–4 (p = 0,029)	4,70	4,73	4,74	4,31
Доброта (F = 4,86; p = 0,002)	1–2 (p = 0,003)	4,49	4,76	4,62	4,46
Конформность (F = 12,03; p < 0,001)	1–2 (p < 0,001) 2–3 (p = 0,013) 2–4 (p = 0,017)	4,09	4,52	4,08	4,02
Универсализм (F = 12,26; p < 0,001)	1–2 (p < 0,001) 2–4 (p < 0,001) 3–4 (p = 0,035)	3,90	4,26	4,03	3,59
Власть (F = 7,83; p < 0,001)	1–2 (p = 0,030) 1–4 (p = 0,003)	3,89	3,61	3,48	3,19
Стимуляция (F = 13,70; p < 0,001)	1–4 (p < 0,001) 2–4 (p < 0,001) 3–4 (p < 0,001)	3,87	3,89	4,13	3,03
Традиции (F = 17,64; p < 0,001)	1–2 (p < 0,001) 2–3 (p = 0,002) 2–4 (p = 0,039)	2,99	3,63	3,05	3,13
Ценности на уровне индивидуальных приоритетов					
Достижения (F = 4,86; p = 0,002)	2–3 (p = 0,032) 3–4 (p = 0,009)	2,27	2,22	2,53	2,12

Окончание табл. 5

Ценности (общая p ; значение критерия F)	Достоверность различий в группах	Регион проживания (средние баллы)			
		1	2	3	4
		Дальний Восток ($n = 462$)	Сибирь ($n = 515$)	Центральная Россия ($n = 157$)	Украина ($n = 117$)
Стимуляция ($F = 5,69$; $p < 0,001$)	1–3 ($p = 0,017$) 2–3 ($p = 0,007$) 3–4 ($p = 0,030$)	2,19	2,15	2,52	2,16
Доброта ($F = 7,92$; $p < 0,001$)	1–2 ($p < 0,001$)	2,17	2,46	2,34	2,30
Универсализм ($F = 17,41$; $p < 0,001$)	1–2 ($p < 0,001$) 1–3 ($p < 0,001$) 2–4 ($p = 0,025$) 3–4 ($p = 0,015$)	1,87	2,25	2,27	1,91
Конформность ($F = 4,32$; $p = 0,005$)	1–2 ($p = 0,024$)	1,68	1,85	1,78	1,58
Власть ($F = 16,37$; $p < 0,001$)	1–2 ($p = 0,004$) 1–3 ($p = 0,038$) 1–4 ($p = 0,008$) 2–3 ($p < 0,001$) 3–4 ($p < 0,001$)	1,62	1,35	1,97	1,13
Традиции ($F = 25,73$; $p < 0,001$)	1–2 ($p < 0,001$) 1–4 ($p = 0,032$) 2–3 ($p < 0,001$)	0,95	1,50	0,98	1,32

Таблица 6

Сравнительная характеристика системы ценностей представителей разных учебно-профессиональных групп (t-критерий Стьюдента)

Ценности	Учебно-профессиональная группа (средние баллы)		t-value	p
	Социо-гуманитарная (n = 659)	Естественнонаучная и техническая (n = 573)		
Ценности на уровне нормативных идеалов				
Самостоятельность	4,71	5,07	-5,65	< 0,001
Достижения	4,60	4,82	-3,28	0,001
Гедонизм	4,54	4,80	-2,87	0,004
Безопасность	4,52	4,86	-5,05	< 0,001
Доброта	4,42	4,82	-5,92	< 0,001
Конформность	4,03	4,51	-6,54	< 0,001
Универсализм	3,79	4,31	-7,45	< 0,001
Стимуляция	3,62	4,04	-4,89	< 0,001
Власть	3,55	3,75	-2,18	0,030
Традиции	2,96	3,63	-8,13	< 0,001
Ценности на уровне индивидуальных приоритетов				
Доброта	2,22	2,45	-4,30	< 0,001
Безопасность	2,01	2,14	-2,51	0,012
Универсализм	1,96	2,23	-5,22	< 0,001
Конформность	1,64	1,88	-4,60	< 0,001
Традиции	1,09	1,37	-4,55	< 0,001

Примечание. В таблице приведены только статистически значимые различия.

Определенные различия обнаруживаются и в ценностных иерархиях молодежи различных учебно-профессиональных групп. Так, для обучающихся по естественнонаучным направлениям подготовки и на уровне нормативных идеалов, и на уровне индивидуальных приоритетов наиболее значимой является самостоятельность, но если на уровне общественных ценностей 2-е и 3-е место у них занимают ценности безопасности и достижения, то в качестве личных приоритетов более значимыми оказываются ценности доброты и гедонизма. Для обучающихся по социально-гуманитарным направлениям среди социальных норм и ценностей наиболее значимы самостоятельность, достижения и гедонизм, та же картина наблюдается и на уровне индивидуальных ценностей. При этом обучающиеся по естественнонаучным направлениям демонстрируют достоверно большую значимость всех без исключения ценностей на уровне нормативных идеалов и половины рассматриваемых ценностей на уровне индивидуальных приоритетов (табл. 6).

Обсуждение

Приведенные результаты свидетельствуют о своеобразии ценностных предпочтений «поколения Z», подтверждая существование определенного «мировоззренческого разрыва» с предшествующими поколениями. Так, весьма показательным является отсутствие проявления уважения к принятым в обществе идеям и обычаям, отрицание значимости существующих традиций – эта ценность занимает у «Z» последнее место в иерархии как нормативных идеалов, так и индивидуальных приоритетов. Наиболее характерным для них является убеждение в важности самостоятельности, автономности, независимости в суждениях и поступках, приобретающее характер стержневой, ядерной ценности. Среди других признаваемых социальных норм и ценностей – достижения и личный успех, а также безопасность и стабильность. При этом реальное поведение «Z» в большей степени определяется ориентацией на независимость, удовольствия и развлечения, а также на повышение уровня благополучия своей семьи и близких. Примечательно, что ценность безопасности, признаваемая «Z» на уровне нормативных идеалов в качестве одной из наиболее значимых, на уровне индивидуальных приоритетов относится к числу отвергаемых. Возможно, это связано с тем, что безопасность понимается современной молодежью как важная, но уже обеспеченная, удовлетворенная потребность – по мнению Р. Инглхарта, система ценностей нового поколения впервые в истории формируется в условиях «гарантированности» физической и экономической безопасности для большинства населения [1]. Другим возможным объяснением является понимание молодежью безопасности как общественного феномена, т.е. того, что обеспечивается социальными институтами, извне, и не связано с поведением конкретного человека.

Если ориентация на самостоятельность и независимость является общей, инвариантной характеристикой поколения «Z», то значимость и ранг

других ценностей в индивидуальной иерархии определяются комплексом социально-демографических и этнокультурных факторов. Так, гендерная принадлежность связана с заметными ценностными различиями как на уровне нормативных идеалов, так и на уровне индивидуальных приоритетов – для юношей выше значимость ценностей «самовозвышения» (власть и достижения), для девушек – полярных им ценностей «самотрансцендентности» (универсализм и доброта). Следует отметить, что выявленные гендерные особенности ценностных предпочтений фактически не отличаются от систем ценностей, обычно приписываемых женщинам и мужчинам, и могут свидетельствовать о сохранении в массовом сознании современной молодежи традиционных представлений о гендерных ролях и гендерных аутостереотипов.

Принадлежность к той или иной возрастной группе также оказывает определенное влияние на ценностные предпочтения «поколения Z». Несмотря на сходство ценностных приоритетов между отдельными возрастными группами, полученные результаты демонстрируют следующую закономерность: самые молодые представители «поколения Z» характеризуются относительно большей значимостью большинства социальных ценностей как на уровне нормативных идеалов, так и на уровне индивидуальных приоритетов; для старших возрастных когорт свойственно постепенное снижение значимости принятых в обществе норм и ценностей. Вероятно, это может свидетельствовать о собственно возрастном, а не о поколенческом характере описываемых особенностей ценностных предпочтений.

Система ценностных ориентаций представителей «поколения Z» во многом обусловлена их принадлежностью к конкретной этнической группе. Выявленные особенности ценностных «предпочтений Z» отражают, с одной стороны, особенности социализации нового поколения в современных условиях, с другой стороны, – давление норм и ценностей своей этнической группы, более выраженное у представителей национального меньшинства. В этой связи следует отметить большую приверженность бурят традиционным ценностям, или, в терминологии Ш. Шварца [26], ценностям «консерватизма», которые выражаются в значимости послушания, уважения к старшим, следования этнокультурным обычаям, гармонии с природой, уважения к другим людям и терпимости. Русские и особенно украинцы, составляющие большинство на своей территории, склонны придавать данным ценностям меньшее значение, демонстрируя большую открытость к изменениям и ориентацию скорее на индивидуалистические ценности, или, в терминологии Ш. Шварца, ценности «самовозвышения».

Сходные тенденции отмечаются и при анализе ценностных различий в зависимости от конфессиональной принадлежности. Так, ценности «консерватизма» и «самотрансцендентности» оказываются наиболее значимыми для верующих, относящихся к представителям религиозного меньшинства, затем для православных, которые являются последователями традиционной для России и Украины конфессии. Для внеконфессиональных верующих и особенно для атеистов эти ценности закономерно имеют меньший

авторитет. Противоположная ситуация наблюдается в оценке значимости индивидуалистических и модернистских ценностей, таких как самостоятельность и независимость, а также социальный статус, власть и доминирование, которые наиболее актуальны для атеистов.

Существенным дифференцирующим фактором оказывается и принадлежность к той или иной локальной социокультурной среде. Высокая значимость большинства нормативных идеалов, в частности коллективистических ценностей доброты, конформности и универсализма, более всего свойственна молодежи сибирской «глубинки» и менее всего – жителям Западной Украины и российского дальневосточного фронта. С другой стороны, проживающие в Сибири и на Дальнем Востоке одновременно обнаруживают и наибольшую направленность на такую индивидуалистическую ценность, как самостоятельность, автономность и независимость, что, вероятно, отражает общие психологические особенности этих субэтнических групп. Молодежь Москвы демонстрирует достоверно большую ориентацию на ценности достижений, гедонизма, а также стимуляции, выражающейся в потребности в острых ощущениях и новизне, что в целом вполне соответствует существующим представлениям о психологических особенностях жителей мегаполиса.

Принадлежность к определенной учебно-профессиональной общности оказывает меньшее влияние на качественное своеобразие ценностных предпочтений, однако выступает важным фактором, определяющим общий уровень значимости всех без исключения нормативных идеалов и ровно половины индивидуальных ценностных приоритетов, рассматриваемых в настоящем исследовании. Достоверно большую значимость всех этих ценностей обнаруживают студенты естественнонаучных направлений подготовки, что отчасти противоречит устоявшимся представлениям о наличии более благоприятных условий для актуализации ценностных представлений и развития системы ценностных ориентаций личности в процессе социального и гуманитарного образования. С другой стороны, гуманитарное образование предполагает знакомство с разными точками зрения и ценностными системами, что, вполне вероятно, снижает восприятие ценностей как некоего всеобщего императива, усиливая роль процессов индивидуализации в восприятии и формировании ценностных ориентаций. Данная тенденция заслуживает отдельного изучения и последующего детального анализа.

Выводы

Представители «поколения Z» обнаруживают отличия иерархии ценностных предпочтений от системы ценностей предшествующих поколений. Наиболее характерной для них является приоритетность самостоятельности и независимости, на уровне нормативных идеалов определяющая направленность на ценности «самовозвышения», на уровне индивидуальных приоритетов – открытость к изменениям. Значимость уважения традиций занимает в их ценностной иерархии последнее место на обоих уровнях.

Полученные результаты в целом подтверждают существующее представление об «отчуждении» «поколения Z» от традиционной системы ценностей и его переориентацию на постматериалистические ценности. Однако система ценностных ориентаций современной молодежи трансформируется в данном направлении с различной скоростью в зависимости от особенностей социализации в той или иной социокультурной среде.

Принадлежность к определенной гендерной, возрастной, этнической, конфессиональной, региональной и учебно-профессиональной общности в значительной степени определяет особенности формирования системы ценностных ориентаций «поколения Z». При этом принадлежность к некоторой возрастной или учебно-профессиональной группе оказывается фактором, детерминирующим скорее количественные показатели значимости большинства рассматриваемых ценностей. Гендерная, этническая, конфессиональная и региональная принадлежность в большей степени определяет собственно своеобразие иерархии ценностей современной молодежи.

В качестве социальных институтов, обеспечивающих преемственность системы ценностных представлений, своего рода «хранителей» традиционной системы ценностей, ожидаемо выступают этнические общности, находящиеся в относительном меньшинстве, религиозные меньшинства и приверженцы традиционных религий, а также жители «глубинки». К общностям, задающим условия для инноваций в системе ценностей нового поколения, относятся жители крупных городов и приграничных территорий, не вовлеченные в религиозную общность и атеисты.

В целом результаты настоящего исследования свидетельствуют, что, несмотря на заметные изменения в системе ценностных ориентаций нового поколения, значимость и роль институтов и факторов их формирования остается прежней. Это открывает возможности долгосрочного прогнозирования закономерностей модернизации ценностных представлений массового сознания и соответствующих им изменений социального поведения.

Литература

1. Inglehart R., Welzel C. Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence. Cambridge : Cambridge University Press, 2005. 344 p.
2. Глотов М.Б. Поколение как категория социологии. М. : Логос, 2011. 327 с.
3. Noble S.M., Schewe C.D. Cohort segmentation: an exploration of its validity // Journal of Business Research. 2003. V. 56 (12). P. 979–987. URL: [https://doi.org/10.1016/s0148-2963\(02\)00268-0](https://doi.org/10.1016/s0148-2963(02)00268-0)
4. Twenge J.M., Campbell S.M. Generational differences in psychological traits and their impact on the workplace // IEEE Engineering Management Review. V. 39 (2). P. 72–84. URL: <https://doi.org/10.1109/EMR.2011.5876178>
5. Пищик В.И., Сиврикова Н.В. Динамика смысловых составляющих ментальности поколений // Российский психологический журнал. 2014. № 11 (3). С. 73–82. URL: <https://doi.org/10.21702/rpj.2014.3.7>
6. Howe N., Strauss W. The Next 20 Years: How Customer and Workforce Attitudes Will Evolve // Harvard Business Review. 2007. V. 85 (7-8). P. 47–52. PMID: 17642125
7. Голубинская А.В. К вопросу о поколенной модели Хоува-Штрауса // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2016. № 1, т. 2. С. 98–101.

8. Левада Ю.А. Поколения XX века: возможности исследования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 5 (55). С. 7–14.
9. Шиндряева И.В. Профессиональные ценностные ориентации молодежи в контексте поколенческой теории // Вестник Поволжского института управления. 2015. № 6 (51). С. 144–148.
10. Воронцова Ю., Ермолаев В.В. Представления «поколения Z» о своей будущей семье (на примере литовских старшеклассников) // Психолог. 2016. № 1. С. 1–12. URL: <https://doi.org/10.7256/2409-8701.2016.1.16664>
11. Кулакова А.Б. Поколение Z: теоретический аспект // Вопросы территориального развития. 2018. № 2 (42). DOI: 10.15838/tid.2018.2.42.6.
12. Иванов М.С., Яницкий М.С. Мобильность как стратегия обеспечения личной безопасности в представлениях молодежи «поколения Z» // Цифровое кочевничество как глобальный и сибирский тренд : сборник материалов III Междунар. трансдисциплинарной науч.-практ. WEB-конференции. Томск, 2017. С. 125–133.
13. Ivanov M.S., Seryu A.V., Yanitskiy M.S. Mobility As Strategy Of Providing Personal Security In Postmodern Society // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2018. V. 35. P. 1187–1196. URL: <http://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2018.02.140>
14. Воскресенский А.А., Рабош В.А., Сунягина А.Г. Постматериальные ценности поколения Z на пути к обществу знаний – к постановке проблемы // Общество. Среда. Развитие. 2018. № 1. С. 84–87.
15. Мохова С.Ю. Иерархия в системе жизненных целей у представителей X, Y и Z-поколений // Мир науки. 2017. Т. 5, № 2. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/69PSMN217.pdf>
16. Данилов А.Н., Грищенко Ж.М., Щелкова Т.В. Поколение Z: раскол традиций или перекодировка культуры // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2017. № 1. С. 109–118.
17. Yanitskiy M., Seryu A., Braun O. The characteristics of hierarchy of self-image components depending on social and cultural affiliation // KnE Life Sciences. 2018. № 4 (8). P. 921–933. URL: <https://doi.org/10.18502/cls.v4i8.3349>
18. Карандашев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности : концепция и методическое руководство. СПб. : Речь, 2004. 70 с.
19. Шварц Ш. Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий // Психология. 2008. № 2, т. 5. С. 37–67.
20. Schwartz S.H., Cieciuch J., Vecchione M., Torres C., Dirilen-Gumus O., Butenko T. Value tradeoffs propel and inhibit behavior: Validating the 19 refined values in four countries // European Journal of Social Psychology. 2017. № 47 (3). P. 241–258. DOI: 10.1002/ejsp.2228.

*Поступила в редакцию 26.11.2018 г.; повторно 03.04.2019 г.;
принята 04.04.2019 г.*

Яницкий Михаил Сергеевич – доктор психологических наук, профессор, директор Социально-психологического института Кемеровского государственного университета.
E-mail: direktorspi@kemsu.ru

Серый Андрей Викторович – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологических наук Кемеровского государственного университета.
E-mail: avgrey@yahoo.com

Браун Ольга Артуровна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологических наук Кемеровского государственного университета.
E-mail: oabraun09@rambler.ru

Пелех Юрий Владимирович – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры психопрофилактики Университета имени Яна Длугоша, г. Ченстохова (Польша).
E-mail: yuriipelekh@gmail.com

Маслова Ольга Васильевна – кандидат психологических наук, доцент, доцент-исследователь кафедры социальной и дифференциальной психологии Российского университета дружбы народов.

E-mail: maslova_ov@rudn.university

Сокольская Марина Вячеславовна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии, социологии, государственного и муниципального управления Российского университета транспорта (МИИТ).

E-mail: mvsokolskaya@mail.ru

Санжаева Римма Дугаровна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры возрастной и педагогической психологии Бурятского государственного университета.

E-mail: rimmasan24@mail.ru

Монсонова Арюна Раднанимаевна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры возрастной и педагогической психологии Бурятского государственного университета.

E-mail: monsonova@rambler.ru

Дагбаева Соелма Батомункуевна – доктор психологических наук, доцент, заведующая кафедрой теоретической и прикладной психологии Забайкальского государственного университета.

E-mail: soela@bk.ru

Неяскина Юлия Юрьевна – кандидат психологических наук, доцент, декан психолого-педагогического факультета Камчатского государственного университета имени Витуса Беринга.

E-mail: neyaskinaju@yandex.ru

Кадыров Руслан Васитович – кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой общепсихологических дисциплин Тихоокеанского медицинского университета.

E-mail: rusl-kad@yandex.ru

Капустина Татьяна Викторовна – преподаватель кафедры общепсихологических дисциплин Тихоокеанского медицинского университета.

E-mail: tatunchik48@mail.ru

For citation: Yanitskij, M.S., Seryj, A.V., Braun, O.A., Pelekh, Yu.V., Maslova, O.V., Sokolskaya, M.V., Sanzhayeva, R.D., Monsonova, A.R., Dagbaeva, S.B., Neyaskina, Yu.Yu., Kadyrov, R.V., Kapustina, T.V. The Value Orientations System of Generation Z: Social, Cultural and Demographic Determinants. *Sibirskiy Psikhologicheskij Zhurnal – Siberian journal of psychology*. 2019; 72: 46–67. doi: 10.17223/17267080/72/3. In Russian. English Summary

The Value Orientations System of Generation Z: Social, Cultural and Demographic Determinants

**Mikhail S. Yanitskij^a, Andrej V. Seryj^a, Olga A. Braun^a, Yuriy V. Pelekh^b,
Olga V. Maslova^c, Marina V. Sokolskaya^d, Rimma D. Sanzhayeva^e,
Aryuna R. Monsonova^e, Soelma B. Dagbaeva^f, Yulia Y. Neyaskina^g,
Ruslan V. Kadyrov^h, Tatyana V. Kapustina^h**

^a Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, 650000, Russian Federation

^b Jan Dlugosz University in Czestochowa, 4/8, Waszyngtona St., Czestochowa, 42-200, Poland

^c Peoples' Friendship University of Russia, 6, Miklukho-Maklay St., Moscow, 117198, Russian Federation

^d Russian University of Transport, 9/9, Obratsov St., Moscow, 127994, Russian Federation

^e Buryat State University, 24a, Smolin St., Ulan-Ude, 670000, Russian Federation

^f Transbaikalian State University, 30, Aleksandro-Zavodskaya St., Chita, 672039, Russian Federation

^g Vitus Bering Kamchatka State University, 4, Pogranichnaya St., Petropavlovsk-Kamchatsky, 683032, Russian Federation

^h Pacific Medical University, 2, Ostriyakov Ave., Vladivostok, 690002, Russian Federation

Abstract

Values of each generation are perceived as derivatives of objective conditions of their socio-economic situation. In regards to how Generation Z (those who were born since 1995) socialize, they are often characterized by postmaterialism and refusal to adhere to the traditional value system, which results in the “world-view break” from the preceding generations, and substantial diversity of their values. Nonetheless, the influence of belonging to a certain social community on the value hierarchy of Generation Z has not been thoroughly researched yet.

The abovementioned issue has determined the aim of our research: assessing the influence of socio-cultural and demographic determinants on the formation of the Generation Z value orientations system. The present study used Shalom H. Schwartz’s method on the sample of 1251 representatives of Generation Z of various sex, age, nationality, religion, residence and education. The research took place in the following regions: Siberia (Kemerovo, Chita, Ulan-Ude); the Far East (Khabarovsk, Vladivostok, Petropavlovsk-Kamchatsky); Central Russia (mostly Moscow and Moscow Region); Ukraine (Rovno, Khmelnytsky, Ternopol and others).

We have found that the most distinctive common feature of Generation Z is the priority of independence in terms of opinions and agency, as well as lack of adherence to the existing traditions. In addition, belonging to a certain gender, ethnic, confessional or religious community determines the qualitative identity of the value hierarchy of today’s youth. Particularly, belonging to a national or religious minority or a traditional confession, as well as identifying as residents of the countryside are factors that contribute to preservation of collectivist and traditional values. By contrast, living in a metropolitan city or a cross-border region and not being involved in a religious community result in higher importance of individualistic and postmaterialistic values.

The study has proven that, despite noticeable changes in the system of value orientations of the new generation, the significance and role of institutions and the factors that underlie formation of said values remain unchanged. The identified patterns determine the possibility of predicting how values transform in public consciousness and what corresponding changes in social behavior follow.

Keywords: values; value orientations; mentality; socio-cultural environment; socialization; youth; theory of generations; Generation Z.

References

1. Inglehart, R. & Welzel, C. (2005) *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Cambridge: Cambridge University Press.
2. Glotov, M.B. (2011) *Pokolenie kak kategoria sotsiologii* [Generation as a category of sociology]. Moscow: Logos.
3. Noble, S.M. & Schewe, C.D. (2003) Cohort segmentation: an exploration of its validity. *Journal of Business Research*. 56(12). pp. 979–987. DOI: 10.1016/s0148-2963(02)00268-0
4. Twenge, J.M. & Campbell, S.M. (2011) Generational differences in psychological traits and their impact on the workplace. *IEEE Engineering Management Review*. 39(2). pp. 72–84. DOI: 10.1109/EMR.2011.5876178
5. Pishchik, V.I. & Sivrikova, N.V. (2014) The Dynamics of Sense Components of the Mentality of Generations. *Russian Psychological Journal*. 11(3). pp. 73–82. (In Russian). DOI: 10.21702/rpj.2014.3.7
6. Howe, N. & Strauss, W. (2007) The Next 20 Years: How Customer and Workforce Attitudes Will Evolve. *Harvard Business Review*. 85(7-8). pp. 47–52. PMID: 17642125
7. Golubinskaya, A.V. (2016) The question of Hove-Strauss generational models. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk – International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 1(2). pp. 98–101. (In Russian).

8. Levada, Yu.A. (2001) Pokoleniya KhKh veka: vozmozhnosti issledovaniya [Generations of the XXth Century: Opportunities for Research]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny – Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 5(55). pp. 7–14. (In Russian).
9. Shindryaeva, I.V. (2015) Professional Value Orientations of Youth in the Context of Generational Theory. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya – The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*. 6(51). pp. 144–148. (In Russian).
10. Vorontsova Yu. & Ermolaev, V.V. (2016) Predstavleniya «pokoleniya Z» o svoey budushchey sem'e (na primere litovskikh starsheklassnikov) [Conception of Lithuanian Seniors “Generation Z” about their Future Family]. *Psikholog*. 1. pp. 1–12. DOI: 10.7256/2409-8701.2016.1.16664.
11. Kulakova, A.B. (2018) Generation Z: theoretical aspect. *Voprosy territorial'nogo razvitiya – Territorial Development Issues*. 2(42). pp. 6. (In Russian). DOI: 10.15838/tdi.2018.2.42.6
12. Ivanov, M.S. & Yanitskiy, M.S. (2017) [Mobility as a strategy of personal security in perceptions of generation Z]. *Tsifrovoye kochevnichestvo kak global'nyy i sibirskiy trend [Digital nomadism as a global and Siberian trend]*. Proc. of the Third International WEB-Conference. Tomsk. pp. 125–133. (In Russian). DOI: 10.17223/9785946216104/18
13. Ivanov, M.S., Seryy, A.V. & Yanitskiy, M.S. (2018) Mobility As Strategy Of Providing Personal Security In Postmodern Society. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. 35. pp. 1187–1196. DOI: 10.15405/epsbs.2018.02.140
14. Voskresensky, A.A., Rabosh, V.A. & Sunyagina, A.G. (2018) Post-material values of generation z on the way to the society of knowledge – to statement of a problem. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie – Society. Environment. Development*. 1. pp. 84–87. (In Russian).
15. Mokhova, S.Yu. (2017) Ierarkhiya v sisteme zhiznennykh tseley u predstaviteley X, Y i Z-pokoleniy [Hierarchy in Purpose-in-life system of the Generations X, Y, Z]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya – World of Science. Pedagogy and Psychology*. 5(2). [Online] Available from: <http://mir-nauki.com/PDF/69PSMN217.pdf>.
16. Danilov, A.N., Grishchenko, Z.M. & Shchelkova, T.V. (2017) Generation of Z: split of traditions or code conversion of culture. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsiologiya – Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 1. pp. 109–118. [Online] Available from: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/181894/1/109-118.pdf>. (In Russian).
17. Yanitskiy, M., Seryy, A. & Braun, O. (2018) The characteristics of hierarchy of self-image components depending on social and cultural affiliation. *KnE Life Sciences*. 4(8). pp. 921–933. DOI: 10.18502/kl.v4i8.3349
18. Karandashev, V.N. (2004) *Metodika Shvartsa dlya izucheniya tsennostey lichnosti : kontseptsiya i metodicheskoe rukovodstvo* [Schwartz's methodology for the study of personal values: concept and methodological guidance]. St. Petersburg: Rech.
19. Schwartz, S.H. (2008) Cultural Value Orientations: Nature & Implications of National Differences. *Psikhologiya. Zhurnal VShE – Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 5(2). pp. 36–67. (In Russian).
20. Schwartz, S.H., Cieciuch, J., Vecchione, M., Torres, C., Dirilen-Gumus, O. & Butenko, T. (2017) Value tradeoffs propel and inhibit behavior: Validating the 19 refined values in four countries. *European Journal of Social Psychology*. 47(3). pp. 241–258. DOI: <https://doi.org/10.1002/ejsp.2228>

Received 26.11.2018; Revised 03.04.2019;

Accepted 04.04.2019

Mikhail S. Yanitskiy – Director of the Social and Psychological Institute, Kemerovo State University, D. Sc., Professor.
E-mail: direktorspi@kemsu.ru

Andrej V. Seryj – Professor, Department of Psychological Sciences, Kemerovo State University, D. Sc., Professor.

E-mail: avgrey@yahoo.com

Olga A. Braun – Associate Professor, Department of Psychological Sciences, Kemerovo State University, Cand. Sc.

E-mail: oabraun09@rambler.ru

Yurij V. Pelekh – Professor, Department of Psychoprophylaxis, Jan Dlugosz University in Czeszochowa, D. Sc., Professor.

E-mail: yuriipelekh@gmail.com

Olga V. Maslova – Associate Professor, Department of Social and Differential Psychology, Peoples' Friendship University of Russia, Cand. Sc.

E-mail: maslova_ov@rudn.university

Marina V. Sokolskaya – Professor, Department of psychology, sociology, public and municipal administration, Russian University of Transport, D. Sc.

E-mail: mvsokolskaya@mail.ru

Rimma D. Sanzhayeva – Professor, Department of age and pedagogical psychology, Buryat state university, D. Sc., Professor.

E-mail: rimmasan24@mail.ru

Aryuna R. Monsonova – Associate Professor, Department of Age and Pedagogical Psychology, Buryat State University, Cand. Sc.

E-mail: monsonova@rambler.ru

Soelma B. Dagbaeva – Head of Department of Theoretical and Applied Psychology, Transbaikalian State University, D. Sc.

E-mail: soela@bk.ru

Yulia Y. Neyaskina – Dean of Psychology and Pedagogics Faculty, Vitus Bering Kamchatka State University, Cand. Sc.

E-mail: neyaskinaju@yandex.ru

Ruslan V. Kadyrov – Head of Department of All-Psychological Disciplines, Pacific Medical University, Cand. Sc.

E-mail: rusl-kad@yandex.ru

Tatyana V. Kapustina – Lecturer, Department of All-Psychological Disciplines, Pacific Medical University.

E-mail: tatunchik48@mail.ru